

К ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ В ТУРКМЕНИИ (Конец XIX—середина XX вв.)

В. Е. ГРИГОРЯНЦ

Появление армянской церкви в Туркмении связано с переселением в этот край, завоеванный Россией в последней четверти XIX в., армянских выходцев из Закавказья. Вместе с русскими переселенцами из России и персами из Ирана, армяне уже в первые годы после завоевания Туркмении составили демографическую основу возникших здесь городских поселений¹.

Вслед за русскими, армянами и персами в Закаспийской области вскоре появились заметные группы кавказских татар, евреев, поляков, немцев, других европейских и азиатских народов. Этническое многообразие населения городов Закаспия породило оригинальную религиозную ситуацию. Туркмены исповедовали ислам суннитского толка, персы—шиизм и бехаизм, русские в большинстве—православие и часть из них баптизм, поляки, немцы и другие европейские выходцы—католичество и протестантизм, евреи—иудаизм. Армяне, за исключением группы католиков, отстаивали традиционное армяно-григорианское вероисповедание.

Православная церковь поддерживалась государством. Однако власти были вынуждены разрешить и другие конфессии. Со временем в Закаспии появились армянские церкви, шиитские мечети, немецкие кирхи, польские костелы, еврейские синагоги, бехаистские и баптистские молитвенные дома. Важнейшей особенностью религиозной жизни была взаимная терпимость, поскольку основная масса мусульман (за исключением персов и кавказских татар) проживала в сельской местности, а христиан—в городах.

Отношение царских властей к армянской церкви и вообще к армянам было противоречивым. Как христианский народ Российской ориентации, имеющий огромный опыт общения с восточными народами, армяне выступили посредниками между русским и мусульманским населением, своеобразными агентами экономической и культурной колонизации края Россией. Монополистское положение армянской буржуазии в экономике Закаспия и торговле с сопредельными странами с успехом использовалось царскими властями в качестве инструмента для реализации имперских интересов России в Туркестане, Иране и Афганистане. С другой стороны, именно отмеченные обстоятельства, а также укрепление связей местных армян с Закавказьем крайне беспокоили царскую администрацию. Немалое значение имело и личное отношение начальника Закаспийской области к армянам. Некоторые из них, например Куропаткин, Евреинов, были активными сторонниками аштармянской политики, другие—Комаров, Боголюбов, Субботич, напротив, относились к армянам весьма доброжелательно.

Первые армянские церкви появились в области по инициативе Эчмиадзинского Синода и желанию местных армян в Асхабаде и Ки-

¹ См. В. Е. Григорьянц, Переселение армян в Закаспийскую область (2002 г.) *ЖИ «Аршак»*, 1977, № 2, с. 64—73).

Кизыл-Арвате. В сентябре 1884 г. начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Комаров разрешил построить в Асхабаде первую армяно-григорианскую церковь. С 1887 г. в ней совершались постоянные богослужения, а в 1890 г. при церкви было открыто церковно-приходское училище. К 1892 г. оно уже насчитывало свыше 60 учеников. В Кизыл-Арвате строительство церкви началось на участке, подаренном местным жителем Т. Ахумовым².

В это время духовными делами армян в Закаспии ведал священник Тер-Восканов, назначенный в 1889 г. Шемахинской духовной армяно-григорианской епархией благочинным Закаспийской области и Туркестана. Ему поручалось построить церкви и школы при них в Фергановодеке, Узунь-Ада, Мерве, Бухаре, Самарканде, Ташкенте, а также перестроить уже действующие церкви в Асхабаде и Кизыл-Арвате. Но сменивший Комарова новый начальник области Куропаткин усмотрел вред в деятельности армянской церкви. Сожалея, что расколы Эчмиадзинна и Шемахи не встречали возражений царской администрации, Куропаткин подчеркивал нежелательность укрепления духовных связей армян с Кавказом, по его мнению, это противоречило государственным интересам России. Обвиняя армянское духовенство в антиправительственных тенденциях, он отмечал, что «слуха зараза проникла уже и в Закаспийский край, что выразилось в самовольных действиях и преступлениях Тер-Восканова, поставленного благочинным армянских церквей всей Средней Азии... Армяне в Закаспийской области,—продолжал он,—составляют дружно сплоченные общества в главных пунктах: в Асхабаде, в Мерве, в Кизыл-Арвате. Нельзя не предвидеть, что в будущем они дадут нам немало хлопот». Особое раздражение этого шовиниста вызывало право армянского духовенства на открытие церковно-приходских школ. «Осенью прошлого года,—возмущался Куропаткин,—армянское общество явилось ко мне с приглашением присутствовать при открытии школы в качестве гостя. Никто не спрашивал моего разрешения на это открытие, ибо разрешение было дано армянским духовенством»³.

16 октября 1892 г. приказом Куропаткина было отклонено ходатайство Эчмиадзинского Синода об оставлении армян Средней Азии в ведении Шемахинской епархии. Теперь армянские церкви Средней Азии должны были подчиняться Астраханской епархии. Это затрудняло связи армян с Кавказом, откуда местное армянское общество, по словам Куропаткина, «черпало все свои духовные и политические надежды». В декабре того же года Военное министерство сообщило в канцелярию начальника Закаспийской области, что армянские школы могут быть открыты только с разрешения Туркестанского генерал-губернатора и начальника области, а преподавание предметов в этих школах, помимо Закона Божьего, должно проводиться только на русском языке. Против Тер-Восканова царские власти стали возбуждать различные претензии и не успокоились до тех пор, пока не удалили его за пределы области. В августе 1896 г. департамент полиции Министерства внутренних дел сообщал начальнику Закаспийской области «...об освобождении из-под гласного надзора полиции состоящего под таковым в Тобольской губернии священника Тер-Восканова,

² ЦГА ТССР (Центральный государственный архив Туркменской ССР), ф. И—1, оп. 2, д. 4265, лл. 10—10об.; д. 6719, лл. 5—6; д. 7124, лл. 2425; д. 4285, лл. 7—9.

³ Там же, д. 4236, лл. 13—14; д. 2718, лл. 19—21, 22.

о воспрещении ему жительства в Закаспийской области по 20 октября 1898 года»⁴.

Гонения на армянское духовенство проявились также в затеянной с начала 90-х годов почти десятилетней тяжбе по поводу земельных участков под армянские церкви в Асхабаде, Кизыл-Арвате и Мерве⁵. Когда, например, в 1890 г. армянское общество Мерва приступило к строительству церкви, предполагая затем открыть при исп. училище и ночлежный дом для бедных, администрация области начала встречную тяжбу по поводу разрешения на участок земли под церковь. И хотя закладка церкви уже состоялась, а разрешение на постройку было в конце концов «обнаружено» в делах канцелярии и оказалось вполне законным, участок этот все же был отобран и взамен выделен другой в стороне от городского центра⁶. К 1896 г. в области уже действовали три армянские церкви—в Асхабаде, Кизыл-Арвате и Мерве⁷.

12 июня 1903 г. опровоцированный российскими шовинистами царь Николай II, наслышанный о несметных сокровищах армянской апостольской церкви, принял закон о конфискации принадлежащих ей земель и церковного имущества. Этот наглый акт российского самодержавия вызвал всеобщее возмущение армянского народа. «Последней каплей в переполненной чаше испытаний,—писал в газете «Асхабад» местный патриот, известный в Закаспии врач А. Мнацаканянц,—было отобрание церковных имуществ... Мера эта вызвала сильное негодование во всех слоях армянского народа. Благодаря отобранию церковных имуществ, армянский народ стал оказывать сопротивление властям, а революционные комитеты, до того занимавшиеся исключительно делом улучшения положения турецких армян, взяли на себя защиту прав армянского народа в России, вследствие чего на сцену выступили и бомбы, нашумевшие на всю Россию, и террористические акты, направленные против самых яростных представителей козней князя Голицына, лелеявшего в душе надежду стереть армян с лица земли, чтобы чучело последнего армянина в музее напоминало человечеству, что когда-то существовал такой народ...»⁸.

И все же, несмотря на репрессии, деятельность армянского духовенства в области продолжалась. 28 апреля 1905 г. состоялось торжественное открытие армянской церкви в Красноводске, на котором присутствовали приехавший из Астрахани архиепископ Аристокс, священники из Асхабада и Кизыл-Арвата, почти все армяне Красноводска, много русских, грузин, мусульман. Строительство церкви обошлось в 30 тысяч рублей, причем большая часть этих средств поступила в виде помощи от иногородних армян⁹.

Нарастающее сопротивление армянского народа, трудности войны и начавшаяся вскоре революция заставили царизм пойти на попятную. 1 августа 1905 г. царь отменил закон от 12 июня 1903 г. Армянской церкви были возвращены имущество и доходы, полученные в период конфискации, было разрешено открытие армянских школ. Этой запоздалой мерой самодержавие пыталось восстановить прежнее отношение

⁴ Там же, д. 2688, лл. 30, 31, 38, 60; д. 10421, л. 72.

⁵ Там же, дд. 4236, 4285, 2718.

⁶ Там же, д. 4236, лл. 3, 5, 10, 17, 30, 34, 57.

⁷ ОЗО (Обзор Закаспийской области) за 1890—1896 гг., Асхабад, 1897, с. 19.

⁸ Асхабад (газета), 9. 11. 1905.

⁹ Там же, 17. 05. 1905.

армян к российской государственности. «Радость армян неопишима», — сообщила местная газета¹⁰.

К 1910 г. по Закаспийской области уже насчитывалось 5 армяно-григорианских церквей постоянного типа — в Красноводске, Кизыл-Арвате, Асхабаде, Мерве и Теджене, т. е. во всех наиболее значительных городских поселениях Закаспия. В пользу церковно-приходских школ армянским обществом собирались денежные и иные пожертвования, устраивались национальные музыкально-вокальные и театральные представления, лотереи-аллегри и т. п.¹¹ К этому времени в Мерве в армянском церковно-приходском училище при местной церкви обучались 63 мальчика и 54 девочки. Училище содержало штат из 5 учителей. Армянское смешанное церковно-приходское училище в Красноводске имело 4 учителей и 93 учащихся — 56 мальчиков и 37 девочек. В Асхабаде, в училище при местной церкви, обучалось 220 детей армян¹².

Армян области отличала стойкая приверженность своему духовному мировоззрению. Среди армян практически не встречалось случаев добровольного перехода в иное вероисповедание, как это нередко имело место среди последователей других религий в связи с вступлением в брак или принятием подданства. Например, среди русских было немало случаев уклонения в католичество, протестанство или баптизм, среди персов и татар — в православие. Напротив, брак, заключенный между армянином и русской, как правило, сопровождался принятием последней армяно-григорианского вероисповедания¹³. Глубокой приверженностью своей религии отличались также бехаисты.

Среди разнообразных религиозных направлений и сект в Закаспии существовала также небольшая община армян-католиков — переселенцев из Тифлиса, Шуши, Баку, Шемахи, Карса, Эривани и других мест Российской империи¹⁴.

В жизни армянской общины церковь играла крайне важную роль. Все сколько-нибудь важные вопросы жизни местных армян — брак, рождение, смерть, социальная помощь беженцам и бедным, образование, связь с родиной, общенациональные проблемы — не оставались в стороне от ее внимания. После вступления Турции в первую мировую войну армянская церковь своей патриотической проповедью немало сделала для поднятия боевого духа местной армянской молодежи. При непосредственном участии священников создавались боевые отряды армянских добровольцев, которые отправлялись на Кавказский фронт для участия в боевых действиях¹⁵.

В значительной мере благодаря ее настойчивым усилиям, к 1917 году, менее чем за 40 лет, практически во всех сколько-нибудь крупных городских поселениях Закаспийского края были созданы крепкие, пользующиеся уважением других народов армянские общины. Вопреки противодействию царских властей, армянская церковь сумела стать центром консолидации и координации национальной жизни, определяющим фактором сохранения этнической самобытности и национального самосознания армян Закаспийского края.

¹⁰ Там же, 9. 08. 1905.

¹¹ ЦГА ТССР, ф. И—I, оп. 2, д. 7831, л. 132; Асхабад, 19. 01. 1908.

¹² ОЗО за 1911 г., Асхабад, 1915, с. 91, 94; ЦГА ТССР, ф. И—I, оп. 2, д. 2618, л. 97 об.

¹³ ЦГА ТССР, ф. И—32, оп. I, д. 214, лл. 14, 16, 30—30об., 44, 45, 75 и др.

¹⁴ Там же, ф. И—I, оп. 2, д. 2782, лл. 1—2об.

¹⁵ Асхабад, 26. 10. 1914; 15. 12. 1914.

Иначе сложилась судьба армянской церкви в Туркмении после революции. Реализация ассимиляторской схемы национально-государственного устройства, окончательно уничтожив всякие признаки правовой автономии национальных меньшинств, обрекла их на интенсивную этническую и культурную ассимиляцию. Судьбу армянской общины разделила и местная армянская церковь.

Ленинским «Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви» все имущество церковных и религиозных обществ было национализировано. Здания церквей со всем культовым имуществом поступали в распоряжение местных Советов¹⁶. Декларируя формальную свободу совести, равное право всех граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, декрет, тем не менее, в специальных положениях лишал церковные организации прав юридического лица и собственника, сборов и пожертвований, узаконивая конфискацию церковного имущества, подчинял церковь неограниченному произволу административных органов власти¹⁷.

В первое время, обманутое демократическими лозунгами, духовенство еще не осознавало всю глубину надвигающейся трагедии. В начале 1918 г. священник армянской церкви в Асхабаде Хачатур Паниянц даже обратился к новой власти с просьбой вернуть отобранные в 1892 г. у армянской церкви 4 торговые лавки¹⁸. Впрочем, сменившее большевиков в июле 1917 г. эсеро-меньшевистское правительство относилось к религиозным учреждениям не лучше. Так, 24 декабря 1918 г. Управление внутренних дел этого правительства, предписывая всем настоятелям церквей Закаспийской области немедленно передать книги браков, рождений и смерти в ведение городского самоуправления, напоминало, что «...отделение церкви от государства решено не большевистским, а временным правительством»¹⁹.

Гонения на религию приобретают систематический характер после окончательного установления в Закаспии Советской власти. Прежде всего НКВД запретил церквям производить гражданскую регистрацию. 2 декабря 1921 г. областной исполком наложил на священника местной армянской церкви штраф в 500 тысяч рублей за выдачу метрической выписки о рождении²⁰. Исходя из постановления Наркомнаца и НКВД РСФСР от 12 января 1922 г., Туркменский областной исполком обязал все религиозные организации немедленно зарегистрироваться в органах НКВД до 15 февраля 1922 г. В противном случае они рассматривались как нелегальные²¹. Согласно новому порядку, все религиозные общины (за исключением культовых учреждений коренного населения) должны были заключить договоры с исполкомами Советов, своевременно представить удовлетворяющий дискриминационным требованиям властей Устав, поименный список прихожан, подробные сведения на членов церковного Совета и опись церковного имущества. В специальной анкете требовалось ответить на массу провокационных вопросов. По существу, регистрация означала занесение в «черный список» и неудивительно, что многие верующие,

¹⁶ ЦГА ТССР, ф. Р—78, оп. 2, д. 127, л. 20.

¹⁷ Там же, ф. Р—2, оп. 4, д. 202, лл. 9—10.

¹⁸ Там же, ф. Р—496, оп. 1, д. 93, л. 4.

¹⁹ Там же, ф. Р—205, оп. 1, д. 13, л. 165.

²⁰ Там же, ф. Р—8, оп. 1, д. 90, л. 107об.

²¹ Известия (орган обкома КПТ и облисполкома Туркменской области), 3. 02. 1922, № 12.

особенно молодежь, перестали посещать храмы и участвовать в религиозных обрядах.

В начале 20-х годов в Туркмении еще сохранялись религиозные учреждения практически всех компактно проживающих здесь народов—многочисленные православные церкви, молитвенные дома евангельских христиан—баптистов, различные христианские секты переселенцев молокан из Карсской области (прыгуны, духоборы), римско-католические и протестантские общины, армяно-григорианские церкви, общины бехаистов и иудеев, шиитские и суннитские мечети²².

В апреле 1922 г. НКВД Туркеспублики, выражая недовольство тем, что большинство храмов всех вероисповеданий все еще принадлежит религиозным общинам, особо подчеркивал, что конфискация должна охватить лишь религиозные учреждения европейского населения и национальных меньшинств Туркеспублики, «что же касается мусульманских храмов и мечетей, то их означенное распоряжение ни в коем случае не касается, впредь до получения по этому вопросу специальных распоряжений»²³. Однако это указание соблюдалось недостаточно четко: «вместо регистрации религиозных общин национальных обществ и учреждений национальных меньшинств пришлого населения, как то—украинцев, поляков, латышей, туземных евреев, европейских евреев, ирано-азербайджанцев и армян, стали регистрировать все храмы и мечети коренного мусульманского населения, которые не подлежат регистрации»²⁴.

Уже в это время начались конфискации церковного имущества. Священник армянской церкви Х. Паниянц жаловался, что «библиотека без всякой описи и ведома духовного представителя отобрадена коммунистической партией». Не понимая, или не желая понять конфискационный характер декрета, Паниянц отмечал, что армянская церковь «...даже и при старом режиме была отделена от государства и управлялась Католикосом всех армян, которому подчинялись все церкви и верующие армяне на земном шаре» и что она «...относится к отделению радостно...»²⁵.

Массовые конфискации церковного имущества начались в ходе реализации секретного письма В. Ленина В. Молотову и членам Политбюро ЦК РКП (б) от 19 марта 1922 г. «Именно теперь и только теперь, —говорилось в нем,—когда в голодных губерниях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (а поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»²⁶. Этой мерой основатель советского государства предлагал партии не только «...взять в свои руки фонд в несколько миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов)», но и нанести смертельный удар по религии. «Надо именно теперь,—подчеркивал он,—проучить эту публику так, чтобы она на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении не смела и думать...»²⁷.

В ходе конфискаций церковных ценностей в Туркменской области изымались ризы с икон, сосуды из драгоценных металлов, кресты, оклады с евангелий и т. п. Все это под надлежащей охраной, упакованное в металлическую или деревянную тару, отправлялось в Гохран

²² ЦГА ТССР, ф. Р—78, оп. 2, д. 127, лл. 5—10.

²³ Там же, ф. Р—8, оп. I, д. 115, л. I.

²⁴ Там же, д. 63, л. 117.

²⁵ Там же, ф. Р—8, д. 56, лл. 172—173.

²⁶ Известия ЦК КПСС, М., 1990, № 4, с. 191.

²⁷ Там же, с. 191—193.

Туркеспублики²⁸. Конфискации продолжались и в последующие годы по мере закрытия религиозных учреждений. Имущество обиходного характера (мебель, колокола и прочее), согласно декрету СНК от 9 сентября 1923 г. (№ 79, ст. 762), продавалось, а вырученные средства передавались в доход государства²⁹. К марту 1925 г. например, только в Мервском округе было закрыто 8 из 11 церквей. Из оставшихся церквей две принадлежали православной и одна—армяно-григорианской общинам. Из документов видно, что кампания по закрытию религиозных учреждений продолжала нарастать, имущество церквей конфисковывалось, а сами церкви превращались в клубы, склады, бани, мастерские и т. п.³⁰

Пока еще власти опасались прямых репрессий против ислама. В секретном циркуляре НКВД разъяснялось, что ввиду отсталости местного населения рекомендуется пока воздержаться от официальной регистрации мусульманских религиозных обществ, впредь до наступления более благоприятного момента. Одновременно предписывалось проводить негласный учет мусульманских религиозных общин, собирать сведения о духовенстве и доставлять их в НКВД³¹.

Согласно архивным данным на 1924—1925 гг., армянские религиозные общины, действующие церкви и молитвенные дома были зарегистрированы НКВД в Полторацке (бывший Асхабад), Мерве, Кизыл-Арвате, Красноводске, Ленинске (бывший Чарджуй) и Керках. Армянская община в Полторацке объединяла 900 верующих армян, в Мерве—342, в Кизыл-Арвате—177, в Красноводске—123, в Ленинске—148. Еще в 1923 г. была закрыта армянская евангелическая община в Мерве³².

Попечителями армянской духовной общины в Ашхабаде были Аршак Давидович Тарумянц, Нерсес Арутюнович Погосбекянц, Вартан Григорьевич Богатуров, Асцатур Богданович Бабаянц, Вартан Александрович Тер-Оганов, Погос Мнацаканович Саркисянц, Самсон Александрович Чальянц. Председателем церковного Совета был протоиерей Егпше Тарханянц, членами—благочинный протоиерей Хачатур Паннянц, Артем Мелкумович Петросянц, Аршак Давидович Тарумянц. В Красноводске в состав церковного Совета армяно-григорианской общины входили Мкртич Галустович Тер-Акопянц, Николай Галустович Тер-Акопянц, Самсон Петросович Мирзаянц, Айк Саркисович Багдасарян³³.

В 1927—1928 гг. армянские религиозные общины в Туркмении, вместе с русскими и бехаистскими, еще продолжали действовать, в то время как большинство культовых учреждений других вероисповеданий (за исключением мусульманских) уже прекратили свое существование. Армянская религиозная община в Ашхабаде (бывший Полторацк) теперь насчитывала 383 члена, в Кизыл-Арвате при армянской церкви святой Богородицы было отмечено 89 членов, в Красноводске при церкви святого Григория Просветителя—180 членов, в Чарджуе —256 членов³⁴.

²⁸ ЦГА ТССР, ф. Р—78, оп. 2, д. 127, лл. 76, 79; ф. Р—8, оп. 1, д. 63, л. 1.

²⁹ Там же, ф. Р—78, оп. 2, д. 127, л. 20.

³⁰ Там же, лл. 129, 134—136 и др.

³¹ Там же, л. 94.

³² Там же, ф. Р—78, оп. 2, д. 127, лл. 5—10, 138; ф. Р—798, оп. 1, д. 23, лл. 41—43.

³³ Там же, ф. 78, оп. 2, д. 183, л. 82.

³⁴ Там же, лл. 13—16, 41, 52, 55—58.

К 1929 г. начинается новый виток ужесточения антирелигиозных репрессий. «Отмечая большую работу парторганизации КП(б)Т по закрытию церквей в Ашхабаде,—говорилось в документе о ходе выполнения решений Средазбюро ЦК по религии,—предложить ГК КП(б)Т продолжить ее вплоть до закрытия всех церквей»³⁵. 18 декабря 1928 г. на совместном совещании представителей ЦИК, ГПУ и ЦАУ Туркменистана был разработан специальный секретный циркуляр в отношении религиозных обществ и школ с указанием «...как реагировать на руководящий состав указанных выше школ и местное духовенство, на кого в частности, необходимо обратить внимание прежде всего»³⁶. Было решено окончательно уничтожить религиозные учреждения. Атмосфера политического террора, связанная с переходом к сплошной коллективизации крестьянства, как нельзя лучше соответствовала этому.

Ликвидация религиозных учреждений проводилась по довольно примитивной схеме. Главная инициатива в закрытии церквей и мечетей должна была принадлежать «трудящимся массам». С этой целью из активистов данной национальности, обычно коммунистов и комсомольцев, формировались инициативные группы, которые, широко используя политический шантаж, заставляли население дать подписку с «требованием» закрытия церкви или мечети. Вся эта кампания активно поддерживалась и координировалась органами ГПУ и НКВД, которые одновременно осуществляли сильный нажим на священнослужителей, не останавливаясь в случае сопротивления и перед арестом последних.

2 августа 1929 г. собрание армян Мерва решило передать здание местной армянской церкви под армянский клуб. «После Октябрьской революции,—говорилось в постановлении собрания, проходившего по сценарию НКВД,—церкви потеряли свое значение». Наличие в деле явочных листов с подписями принявших участие в этом собрании армяни со всей очевидностью раскрывает принудительный характер этого «мероприятия»³⁷. 6 августа 1929 г. Мервский горсовет ходатайствовал в ЦИК ТССР о закрытии армянской церкви и передаче ее под клуб. 11 августа 1929 г. Президиум ЦИК направил запрос по данному вопросу в НКВД. 26 августа 1929 г. начальник ЦАУ НКВД ТССР Берестовский сообщал в ЦИК, что со стороны НКВД и ГПУ ТССР возражений не встречается. «Закрытие церкви,—лицемерно заявлял Берестовский,—соответствует запросам трудящихся масс, выраженных в форме многочисленных письменных заявлений и специальном постановлении общего собрания армян города Мерва»³⁸. Заметим, что никаких «многочисленных письменных заявлений трудящихся», помимо указанных явочных листов, в деле не имеется. 25 марта 1930 г. постановлением ЦИК ТССР армянская церковь в Мерве была закрыта, а здание передано под армянский рабочий клуб³⁹.

14 декабря 1929 г. в Ашхабаде, в присутствии представителя от бюро национальностей, состоялось собрание пяти армянских землячеств: Карагуза, Герусы, Гадрута, Прнаута и Марджента. С критикой религии выступили Асцатур Бабаянц, Яков Асланов и другие. Все 23 участника собрания согласились, что необходимо закрыть церковь и вместо нее открыть армянскую школу I ступени. 18 декабря совместное собрание домохозяек с активом армянского рабочего клуба

³⁵ Там же, ф. Р—1, оп. 6, л. 142, лл. 1—10б.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ Там же, д. 200, лл. 48—48об, 49—52.

³⁸ Там же, лл. 41, 42, 45, 58.

³⁹ Там же, л. 40.

под представительством Варсеник Абальян также «нотрофило» закрыть церковь. С этой же целью были проведены в Асхабаде собрания армян—членов промысловых артелей, рабочих, кустарей, школьников, служащих различных учреждений. Движимые чувством страха, боясь обвинений в лояльности к церкви, обыватели отмежевались от нее⁴⁰.

8 января 1930 г. по докладу Хентова «О закрытии армянской церкви и снятии колесолов» на заседании бюро фракции Асхабадского горсовета было принято постановление о закрытии армянской церкви в Асхабаде. «Одновременно,—говорилось в постановлении,—поручить депутатам горсовета—армянам вести агитационную работу среди трудящихся армян и полностью собрать подписку с требованием о закрытии церкви, чтобы закрытие церкви производилось в результате подъема активности трудящихся вокруг отчетной кампании»⁴¹.

В апреле 1930 г. секретным отношением административный отдел Асхабадского горисполкома, сообщая председателю горсовета, что армянская религиозная община в Асхабаде не выполняет указаний административного отдела, а священник Хачатур Паниянц отказался от переписи членов общины, настаивал на закрытии армянской церкви⁴². 15 апреля 1930 г. бюро фракции Асхабадского горсовета при участии Тархана Микаеляна, Агасва и Хентова «ввиду распада армянской общины и отказа священника от сана» обратилось в горком КП(б)Т с просьбой «санкционировать изъятие из ведения общины указанного здания для использования его под культурно-просветительское учреждение»⁴³. Но, по-видимому, что-то не сработало в отлаженном механизме административного произвола, так как уже в январе 1931 г. исполком Асхабадского Совета вновь обратился в Президиум ЦИК с просьбой о закрытии армянской церкви, напоминая, что вопрос этот был возбужден еще год тому назад. На запрос ЦИК председатель местного ГПУ Горбунов 9 марта 1931 г. сообщал, что «вследствие отсутствия у армян верующих служителя культа, полного распада общины и выхода абсолютного большинства членов из общины, ГПУ против закрытия армянской церкви не возражает»⁴⁴.

О том, что на местное духовенство оказывался «мощный нажим», свидетельствует постановление ЦИК ТССР № 195 от 4 марта 1930 г., в котором говорилось о необходимости «...пересмотреть состав руководящих органов религиозных объединений и при обнаружении в них кулаков, лишенцев и иных враждебных Советской власти лиц, исключить их из состава руководящих органов этих объединений». Поскольку по Конституции СССР священники и другие служители культа были лишенцами, это постановление, по существу, означало неизбежное отстранение их от своих прямых обязанностей, что вызвало законное недоумение местных исполнителей Советской власти⁴⁵.

26 января 1930 г. собрание армян Кизыл-Арвата постановило закрыть армянскую церковь и передать ее под культурные нужды.

⁴⁰ Там же, д. 221, лл. 77—145, 88—89, 90—91.

⁴¹ Там же, л. 74 (имеются в виду ежегодные отчетно-выборные кампании в местные Советы).

⁴² Там же, л. 76—76об.

⁴³ Там же, л. 75 (заявление Хачатура Паниянца об отказе от сана священника армянской церкви в Асхабаде было напечатано в местной газете «Туркменская Искра».)

⁴⁴ Там же, лл. 71, 72.

⁴⁵ Там же, лл. 39—40.

На собрании с антирелигиозным докладом выступил Аслан Погосов. 26 февраля Пленумом горсовета Кизыл-Арвата решение о закрытии армянской церкви было утверждено. Однако по какой-то причине ЦИК потребовал от горсовета приостановить решение о закрытии и зарегистрировать церковь. По сообщению местного горсовета в ЦИК от 25 апреля 1930 г., среди армян было отмечено всего 8 семейств верующих. В мае 1930 г. Кизыл-Арватский административный отдел, сообщая в НКВД ТССР, что армянское религиозное общество не зарегистрировало Устав в течение последних двух лет и в своей церкви не производит никаких религиозных обрядов, просил разрешения на ликвидацию церкви и конфискацию ее имущества. ГПУ в ответ на запрос ЦИК от 9 марта 1931 г., в принципе не возражая против закрытия церкви, указывало, однако, что «перед закрытием следует еще раз через профсоюзные организации провести соответствующую антирелигиозную работу и работу среди армянского населения»⁴⁶. Определенные трудности с закрытием армянских церквей в Асхабаде и Кизыл-Арвате очевидно были вызваны наличием среди армянского населения этих городов большого числа рабочих, кустарей и другого трудового люда. Поэтому власти настаивали на достаточно серьезном «обосновании» решений о закрытии церквей.

18 января 1930 г. общее собрание армянского населения города Чарджуя, состоящее из 27 мужчин и 130 женщин (что само по себе наводит на размышления), постановило закрыть армянскую церковь. Директор армянской школы Мовсисян, выступивший с докладом «О происхождении религиозных праздников и о вреде, причиняемом религией трудящимся», отмечал, что население совершенно оторвалось от церкви, а здание ее для школы крайне необходимо. 31 января 1930 г. это решение было утверждено на Пленуме Чарджуйского горсовета, а 13 марта 1930 г. Чарджуйский окриополком обратился в ЦИК с просьбой «об удовлетворении ходатайства армянского населения»⁴⁷. На запрос ЦИК в ГПУ от 31 марта того же года сообщалось, что армянская религиозная община в Чарджуе еще в ноябре 1929 г., состоящая из 190 членов, теперь числит всего 50 человек стариков и старух, и что кампания за закрытие церкви была начата в декабре 1929 г. родительским комитетом армянской школы «стихийно, без надлежащего руководства». Вопрос о закрытии церкви обсуждался на собраниях учителей и учеников. Инициативная группа через учеников и активистов собрала 337 подписей рабочих, служащих, их семей и граждан г. Чарджуя с требованием закрыть армянскую церковь. «Одновременно с этой кампанией, — говорится в заключении ГПУ, — священник армянской церкви по своей инициативе прекратил с января месяца богослужение и фактически после этого момента церковь сама закрывалась. Нужно признать, что проведение этой работы не носило характер массовой кампании среди рабочих масс, ни на одном собрании рабочих или служащих... вопрос этот не ставился. В марте месяце отмечалась попытка старосты религиозной общины Асрнеза собрать подписи против закрытия церкви, но т. к. он применял провокационные методы, распуская всевозможные нелепые слухи антисоветского толка — был арестован... Кроме этого антисоветских выступлений или недовольства на почве закрытия церкви не отмечалось»⁴⁸. Священник местной армянской церкви Григорий Степанович Григорьянц, опасаясь репрес-

⁴⁶ Там же, лл. 1—10б, 5, 6, 61, 63.

⁴⁷ Там же, д. 186, лл. 138об., 143, 146, 149, 150—155об.

⁴⁸ Там же, л. 133.

сий, был вынужден публично заявить, что отказывается от священного сана не будет впредь совершать никаких религиозных обрядов, а также, что он, жена и 15-летний сын переходят на иждивение старшего сына, который занимается кузнечным ремеслом⁴⁹.

26 февраля 1930 г. Президиум Красноводского горсовета обратился в ЦИК с просьбой закрыть русскую и армянскую церкви, ввиду наличия 2 тысяч подписей рабочих и служащих, из которых 1600 подписей—русских, 130—армян и 210—других национальностей. Было решено русскую церковь использовать под городскую школу, а армянскую—под клуб нацмен. Среди армии отмечено верующих 115 человек. С такой же просьбой в ЦИК обратился 22 марта 1930 г. Пленум Красноводского горсовета⁵⁰. В свою очередь НКВД полагало, что вопрос о закрытии указанных молитвенных домов может быть разрешен в положительном смысле при «условии проверки настроений массы верующих через ГПУ ТССР»⁵¹. Нетрудно представить себе, что представляла собой эта «проверка настроений через ГПУ» в 1930 г.

В секретном отношении ГПУ в ЦИК ТССР от 16 июня 1930 г. признавались факты сведения антирелигиозной работы исключительно к трафаретному собиранию подписей по учреждениям, давления со стороны советских органов на религиозную общину с целью принудить ее отказаться от помещения церкви, наличия сильных настроений против закрытия церкви в среде рабочих и их семей, преследования религии в административном порядке, намеренных искажений численности верующих, других злоупотреблений. Исходя из того, что в последние 2—3 года в Туркмении кампания по ликвидации церквей приняла массовый характер и уже закрыто 2/3 всех церквей, ГПУ считало, что закрывать единственную православную церковь в Красноводске «политически невыгодно». И хотя отмеченные выше злоупотребления в еще большей степени касались армянских церквей, ГПУ в секретном отношении в ЦИК ТССР от 16 июня 1930 г. сообщало: «принципиально против закрытия армянской церкви не возражаем, но считаем, что этот вопрос с закрытием надо оформить»⁵².

Все же власти не решились тогда закрыть армянскую церковь и оставить русскую. 13 сентября 1930 г. секретарь ЦИК Правда сообщил председателю Красноводского горсовета Зальтману, что ходатайство о закрытии русской и армянской церкви в Красноводске отклонено и вторично ставить этот вопрос в настоящее время нецелесообразно⁵³.

Антирелигиозная кампания конца 20-х—начала 30-х годов была направлена уже не только против христианских, но и мусульманских религиозных общин. Изучение архивных документов еще раз убеждает в том, что осторожность в отношении мусульманских религиозных учреждений диктовалась исключительно тем обстоятельством, что на территории Туркестана вплоть до конца 20-х годов продолжалась вооруженная борьба с националистическими формированиями местных родовых вождей. В этих условиях откровенный нажим против ислама мог вызвать мощную поддержку этих формирований широкими массами коренного населения и придать борьбе против коммунистов всенародный характер. Теперь, после подавления сопротивления и

⁴⁹ Там же, л. 134 (сообщение было помещено в газете «Туркменская Искра»).

⁵⁰ Там же, лл. 3, 5, 7—81.

⁵¹ Там же, л. 125.

⁵² Там же, лл. 126—126об, 128—129.

⁵³ Там же, л. 130.

укрепления внешних границ с Ираном и Афганистаном, можно было открыто проводить принципиальный антирелигиозный курс и против мусульманской религии.

Подписка о закрытии церквей и мечетей отбиралась у русских, армян, татар, казахов, персов, евреев и других народов. Охватывались все социальные и профессиональные слои населения—рабочие, служащие, интеллигенция, кустари, ученики школ, жены командиров и политработников, и все они с возмущением «требовали» закрыть церкви и мечети как контрреволюционные, эксплуататорские организации, одурманивающие трудозой народ. Так, общее собрание ряда профобъединений и союзов рабочих и служащих Красноводска постановило «закрыть русскую и армянскую церкви, еврейский молитвенный дом, мусульманские мечети, приступить к антирелигиозной работе, особенно среди персов и тюрков, создать ячейки безбожников по всем красным уголкам и клубам»⁵⁴.

Справедливости ради надо сказать, что в этом общем хоре «ненавистников религии не все были запуганы досмерти, находились все же мужественные люди, выступавшие против правительственного террора. Так, в конце апреля 1930 г. председателю ЦИК ТССР Айтакову была направлена записка В. Зверева (очевидно настоятеля Красноводской православной церкви), в которой резко осуждались гонения на религию, и действия местных властей расценивались как попрание свободы совести, как «явное циничное издевательство и насилие над чувствами человека», как неприкрытое нарушение заветов другим странам в том, что в СССР религия не преследуется»⁵⁵.

К середине 30-х годов все религиозные учреждения в Туркмении были закрыты. Исключение составляла лишь единственная православная церковь, расположенная на территории русско-армянского кладбища в Ашхабаде. Такое положение сохранялось вплоть до окончания войны, когда, в связи с несколько изменившимся отношением Сталина к религии, отмечается некоторая либерализация политики государства в отношении религиозных организаций. Уже в мае 1945 г. в адрес председателя Совета по делам религиозных культов при СНК СССР Полянского стали поступать из республики просьбы об открытии религиозных учреждений. В сентябре 1945 г. в Ташкенте предполагалось провести специальное совещание Уполномоченных Советов по делам религии от республик Средней Азии с докладами практически по всем вероисповеданиям⁵⁶. Постановлением СНК СССР от 28 января 1946 г. религиозным организациям разрешалось, с согласия Советов по делам религиозных культов при Совмине СССР, строить и приобретать помещения, а постановлением от 29 мая 1946 г. предусматривалось создание при Совете по делам религиозных культов отделов по вопросам мусульманского, иудейского, буддийского, армяно-григорианского, греко-католического и православного вероисповеданий⁵⁷.

К 1947 г. в Туркмении уже действовали 4 православные церкви и 1 молитвенный дом в Ашхабаде, Чарджуе, Мары, Красноводске и Илотани⁵⁸. Попытки открыть свои церкви были предприняты и местным

⁵⁴ Там же, лл. 82—84.

⁵⁵ Там же, л. 113.

⁵⁶ Там же, ф. Р—2, оп. 4, д. 202, лл. 27, 43; д. 203 (см. все дело).

⁵⁷ Там же, д. 202, лл. 51—55.

⁵⁸ Там же, ф. Р—2, оп. 4, д. 205, лл. 9—12.

армянским населением. 3 июня 1947 г. уполномоченный по делам религии при Совмине Туркменской ССР Комеков получил отношение начальника Азербайджанско-Туркестанского армянского Епархиального совета священника Григорьянца с просьбой ускорить открытие армянской церкви в Асхабаде. Основанием послужило заявление верующих армян Асхабада. Но местные власти, прекрасно сознавая роль церкви в координации национальной жизни и вовсе не желая возрождения таковой для национальных меньшинств, всячески препятствовали восстановлению не только армянской, но и всякой другой конфессии некоренного населения. 30 июня 1947 г. Совмин ТССР на том основании, что находящиеся в Асхабаде помещения бывшей армянской церкви перестроены и заняты государственными учреждениями, постановил ходатайство верующих армян об открытии армяно-григорианской церкви в Асхабаде отклонить⁶⁹. На запрос по данному вопросу Полянского, Комеков сообщал, что бывшее здание армянской церкви и церковно-приходской школы занято Управлением по делам печати и издательствами, и использование этих зданий под армянскую церковь правительство республики считает нецелесообразным. что численность верующих армян в Асхабаде не установлена, молитвенные собрания не проводятся, а верующие армяне молятся в русской православной церкви⁶⁰.

Безуспешные попытки восстановить свои религиозные учреждения предпринимались баптистами-евангелистами, евреями и мусульманским населением республики. При этом, как правило, местные власти под всякими предлогами препятствовали восстановлению в республике религиозных учреждений национальных меньшинств, а центральные органы противодействовали восстановлению мусульманских религиозных учреждений пришлого и коренного населения⁶¹.

Последняя попытка восстановить в Туркмении армянскую церковь — насколько можно судить по архивным документам, была предпринята в середине 50-х годов в связи с начавшимся после смерти Сталина общим поворотом в политике. В июне 1956 г. в республику поступил запрос Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР об имеющихся в Асхабаде и Мары армянских церквях и количестве армянского (в том числе и верующего) населения. Председатель Совета Полянский настоятельно требовал подробных сведений, но местная власть и на сей раз отделалась очередными отписками, отмечая при этом, что местные верующие армяне могут молиться в православных церквях, а открытие армяно-григорианских церквей в Туркмении правительство считает нецелесообразным⁶².

Церковь была своеобразным стержнем национальной жизни армянской колонии в Туркмении. Закрытие армянских национальных обществ и школ, последовавшее вскоре после ликвидации армянских церквей, положило начало процессу быстрого угасания национальной жизни, ослабления духовных связей с Арменией, утраты подрастающим поколением своего национального языка, знания своей истории и культуры. В результате армянское население Туркмении, как впрочем и всех других армянских колоний на территории СССР, сказалось вовлеченным в мощный процесс ассимиляции и к настоящему времени уже прошло ее первый, языковой этап.

⁶⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, л. 3.

⁶¹ Там же, д. 203, лл. 3—5, 7, 11, 16, 17, 23, 27, 28, 46, 54, 58, 59 и др.

⁶² Там же, ф. Р—1420, оп. 2, д. 48, лл. 22—23, 24—25, 31.

ԹՈՒՐԳՄԵՆԻԱՅԻ ՀԱՅ ԵԿԵՂԵՑՈՒ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ
(XIX դ. վերջ—XX դ. կեսեր)

Վ. Ե. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆՑ

Ա մ փ ո փ ո մ

XIX դ. վերջին քառորդում Թուրքմենիայում հայ բնակչության հաստատմանը զուգընթաց, սկսում է գործել նաև հայ եկեղեցին։ Հաղթահարելով ցարական իշխանությունների դիմադրությունը՝ հայ եկեղեցին կարողանում է իր ձեռքում կենտրոնացնել տեղի հայ բնակչության կյանքի համախմբման գործը։ Նրա ակտիվ մասնակցությամբ 40 տարիների ընթացքում Անդրկասպիայի քաղաքներում ստեղծվեցին հայկական կայուն և ամփոփ համայնքներ, որոնք նշանաւալի դեր խաղացին երկրամասի տնտեսական և մշակութային կյանքում։ Սակայն խորհրդային իշխանության տարիներին, եկեղեցու նկատմամբ գործադրված սխտեմատիկ հետապնդումների հետևանքով, երկրամասի եկեղեցական բոլոր կաղմակերպությունների հետ հայկական եկեղեցիները ևս փակվեցին։ Դրան հետևեցին հայ համայնքների ազգային կյանքի անկումը, դպրոցների, բարեգործական միությունների վերացումը, արագորեն աճեց տեղի հայերի ուսականաշման գործընթացը։